

DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-8-95-109

EDN: VCFIST

О ПЕРСПЕКТИВАХ ДЕМОКРАТИИ В МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ

© 2023 г. **А.В. Малашенко**, Ю.А. Нисневич

МАЛАШЕНКО Алексей Всеволодович, профессор, доктор исторических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич, профессор, доктор политических наук,
ORCID 0000-0001-9911-9623, jnisnevich@hse.ru
НИУ "Высшая школа экономики", РФ, 101100 Москва, ул. Мясницкая, 20.

Статья поступила 10.01.2023. После доработки 24.03.2023. Принята к печати 15.05.2023.

Аннотация. Предметом статьи служит анализ перспектив расширения ареала демократии в мусульманском мире, в котором происходят сложные, противоречивые процессы, связанные со становлением демократии. Особенности этих процессов нуждаются в корректном изучении. Мусульманский мир сложен и состоит из государств, в которых мусульмане составляют большинство, и государств, где они меньшинство, нередко очень влиятельное. Ислам оказывает существенное влияние на общественную и политическую обстановку в мусульманском мире, при этом его роль не следует ни гипертрофировать, ни принижать, ни тем более игнорировать. Исламский фактор, исламская традиция остаются константой, что не является непреодолимым барьером на пути становления демократии.

Ключевые слова: демократия, мусульманский мир, исламская умма, секуляризм, политический ислам.

ON THE PROSPECTS FOR DEMOCRACY IN THE MUSLIM WORLD

Alexey V. MALASHENKO,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Yuliy A. NISNEVICH,

ORCID 0000-0001-9911-9623, jnisnevich@hse.ru

National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitckaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Received 10.01.2023. Revised 24.03.2023. Accepted 15.05.2023.

Abstract. The democratic trend in the Muslim world is very difficult and contradictory. Its particularities need to be correctly studied what gives an opportunity to present suggestions about perspectives of democracy in Muslim states and societies. The Muslim world itself is composed of 47 states in which the majority consists of muslims added to them some other where the Muslim minority often possess a significant influence. Only several Muslim states could be classified as secular – among them Turkey, all states in Central Asia and some others. In the majority of those countries Islam isn't accepted as source of law, clergymen don't participate in taking key political decisions, but local administrations including of a high level evidently emphasize that their decisions are corresponding with the Islamic tradition. As far as Muslim monarchies, especially in the Persian Gulf, they carry out their politics according with religious norms but at the same time avoiding radicalization. They are opened to modernity. There are only two states – Iran and Afghanistan – whose fundamental pillars of the rule are based on Islamic law. In this article we describe how different regimes attempt to use some democratic norms (for example elections and multipartism) in order to consolidate themselves and to reach popularity. At the same time with a short number of exceptions they continue to stay authoritarian. Islam constantly influences on the social as well as on the political situation in the Muslim world. We shouldn't exaggerate its impact but in the same time Islam's presence in the political life shouldn't be ignored. The Islamic factor and the Islamic tradition remain constant but they are not an absolute obstacle on the road to democratic process.

Keywords: democracy, muslim world, islamic ummah, secularism, political islam

About authors:

Alexey V. MALASHENKO, Dr. Sci. (History), Chief Researcher.

Yuliy A. NISNEVICH, Dr. Sci. (Political), Professor at the School of Politics and Governance.

ВВЕДЕНИЕ

Предваряя анализ перспектив демократии в мусульманском мире, необходимо определить с такими ключевыми понятиями, как “демократия” и “мусульманский мир”.

В политической науке нет общепризнанного единого определения демократии. В данном исследовании демократия будет рассматриваться в соответствии с классическим процедурным подходом в институционально-целевой парадигме как форма организации политических и государственных порядков, основанная на использовании нормативно-правовых институтов и правил (институтов демократии из уточненного списка американского политолога Роберта Даля) с целью обеспечения свободы выбора альтернатив развития, подотчетности и сменяемости публичной власти.

В соответствии с минималистским институциональным пониманием демократии австрийского политолога и экономиста Йозефа Шумпетера неправительственная организация *Freedom House* в своем ежегодном исследовании “Свобода в мире”, начатом с 1972 г. [ист. 1], использует понятие “электоральная демократия”, которая характеризуется наличием конкурентной многопартийной системы и всеобщего избирательного права, регулярным проведением свободных и честных выборов при тайном голосовании, открытостью избирательной кампании, обеспечивающей всем партиям доступ к средствам массовой информации.

Необходимость уточнения сущности понятия “мусульманский мир” обусловлена тем, что сегодня мусульманский мир не абсолютно тождествен миру исламскому, то есть исламской умме. Вплоть до начала XIX в. умма и мусульманский мир были единым целым, поскольку во всех землях, населенных правоверными, господствовал шариат. Иными словами, существовали только исламские государства. Однако по мере более близкого знакомства с Европой, приобщения к иным, неисламским, нормам жизни, к иной культуре и традициям превосходство ислама как образа жизни уже не воспринималось бесспорным. Принадлежность к умме, мусульмане и прежде всего их элиты начали задумываться о заимствовании чужого опыта. В обществе обозначилась реформаторская тенденция, стимулировавшая переосмысление традиций. В недрах уммы складывалось новое мышление, которое постепенно и стало фундаментом мусуль-

манского мира со всем его многообразием и внутренней противоречивостью.

Мусульманский мир мы будем рассматривать как совокупность государств, в которых мусульмане составляют более 50% населения¹. Всего таких государств 47, включая частично признанные Косово и Палестину. Все они, за исключением Косово, входят в Организацию исламского сотрудничества (ОИС), в которую в 2011 г. была переименована созданная в 1969 г. Организация Исламская конференция (ОИК). Всего в ОИС входят 57 государств, а также 5 государств-наблюдателей, но в 11 государствах – членах ОИС мусульмане составляют менее 50% населения (от 48.8 в Нигерии до 6.4% в Гайане). Исходя из этого, в качестве государств мусульманского мира будут рассматриваться 45 суверенных государств – членов ООН, основные показатели которых представлены в приложении.

Следует отметить, что существует иной взгляд на мусульманский мир. Если взглянуть на наиболее распространенную на мусульманском востоке карту мира, то на ней зеленым окрашены не только мусульманские страны, но и территории, на которых мусульмане не составляют большинство. Например, Татарстан, Башкортостан, китайский Синьцзян, западные провинции Индии имеют полосатую зелено-белую окраску. Подобной штриховкой помечены некоторые государства Западной Европы, включая Францию, Германию, страны Бенилюкса. Это подразумевает их частичную принадлежность к мусульманскому миру, а также перспективу их возможной исламизации в будущем. Исламская картография – это своего рода “географическая идеология”, задача которой показать растущее распространение ислама на планете.

Исследовательский вопрос состоит в том, насколько демократия и демократическое правление совместимы с исламом и могут ли они быть реализованы в государствах мусульманского мира, в которых проживает около 20% населения нашей планеты.

¹ Здесь и далее в качестве источника информации о населении по странам используются данные за 2021 г. Всемирного банка *Population total* (<https://data.worldbank.org/indicator/sp.pop.totl> (accessed 10.05.2023)), а об относительной численности мусульманского населения – данные за 2021 г. проекта *Countrymeters* (<https://countrymeters.info/ru> (accessed 20.04.2023)), которые основаны на публикациях Отдела народонаселения при Департаменте по экономическим и социальным вопросам ООН.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР СЕГОДНЯ

Современный мусульманский мир складывается из государств, составляющих его ядро — историческую основу и определяющих его глобальную значимость, и государств, которые можно отнести к его периферии.

Ядро мусульманского мира составляют прежде всего государства Арабского мира² со стабильными политическими режимами, которые расположены на Ближнем Востоке, а также входящие в Союз арабского Магриба. За пределами арабского мира к ядру будем относить Иран и Турцию, которые сегодня претендуют на лидирующие позиции в мусульманском мире, а также такие государства Юго-Восточной и Южной Азии, как Бруней, Индонезия и Малайзия, Бангладеш, Пакистан и наконец Афганистан, обстановка в котором при всей местной специфике влияет на остальной мусульманский мир.

При этом следует отметить, что во всех государствах, составляющих ядро мусульманского мира, кроме Индонезии и Турции, ислам является государственной религией. В Конституции Индонезии [ист. 2] не указана никакая государственная или официальная религия, но указано, что “государство основывается на вере в единого бога” (ст. 29). Турция является единственным в ядре мусульманского мира светским государством.

К периферии мусульманского мира относятся африканские мусульманские государства, зависящие от происходящих в ядре процессов. Большинство этих государств, кроме Коморских островов, Сомали и Судана, являются светскими. За последние два десятилетия в государствах бассейна озера Чад, а также Сомали активизировались радикальные исламисты, которые в той или иной мере дестабилизируют политическую ситуацию. Это является продолжением религиозно-политических трендов в ядре мусульманского мира. Некоторые радикальные исламистские организации, такие как “Аль-Каида” и Исламское государство³, смещают свою активность в направлении этого континента, и в этом

² Арабский мир — обобщенное название арабских государств, входящих в Лигу арабских государств и имеющих арабский язык в качестве одного из официальных.

³ Исламское государство и “Аль-Каида” признаны в России террористическими организациями, включены в сводный перечень Совета безопасности ООН организаций и лиц, причастных к террористической деятельности.

контексте африканская периферия становится более заметной.

Особое место в мусульманском мире занимают возникшие после распада в 1991 г. СССР постсоветские мусульманские государства — пять государств Центральной Азии и Азербайджан. В этих государствах практически сразу после их образования началось возрождение ислама и исламизация населения, был запущен процесс их вхождения в мусульманский мир, и эти факторы оказывают на них все большее влияние.

Общественно-политическая жизнь в мусульманском мире, сознание верующих не определяются исключительно исламом, даже если он официально объявлен государственной религией, как это имеет место в 26 мусульманских государствах (58%). При этом конституции 14 мусульманских государств объявляют их светскими (31%), а еще 5 (11%) не устанавливают ни их светский характер, ни официальную религию.

Безусловно, религиозная традиция в мусульманском мире соблюдается, но не абсолютизируется, поскольку призывы к ее обязательному следованию, например наказанию и тем более казням по шариатским законам, ношению женщинами хиджаба, соблюдению пищевых запретов и пр., не пользуются всеобщей поддержкой, а порой вызывают недовольство у части населения. Отсюда ограниченность влияния выступающих за тотальную исламизацию исламистских партий и движений.

В этом, в частности, и проявляется различие между мусульманским миром и исламской уммой, определение которой субъективно и зависит от подходов тех или иных политиков и экспертов. Мусульманский мир определяется границами составляющих его государств, тогда как границы уммы не отчетливы, их признание носит субъективный характер, то есть зависит от того, насколько в данном регионе и конкретной местности доминирует исламская традиция и соответствующее ей законодательство — шариат. Такие регионы существуют внутри каждого мусульманского государства, однако они практически везде составляют меньшинство, да и в них жизнь по сугубо исламской традиции сохраняется лишь на уровне семьи и общины. Эти территории и составляют “истинную” умму, бытие в пределах которой разнится с жизнью мусульманина в современном мусульманском обществе и государстве.

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВЛЕНИЯ В МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ

Прежде всего необходимо указать на тот принципиально важный и значимый факт, что действующие конституции мусульманских государств с такими формами правления, как республика и конституционная монархия, составляющие приблизительно 90% от всех государств мусульманского мира, устанавливают всеобщие выборы при тайном голосовании как основной механизм формирования государственной власти, хотя в конституционных монархиях они сочетаются с престолонаследием.

Конституции абсолютных мусульманских монархий устанавливают в качестве одного из высших органов государственной власти подчиненные правителю законосовещательные советы, которые часто именуется Меджлис аш-Шура. В Катаре, ОАЭ и Омане такие советы частично избираются гражданами, а в Брунее и Саудовской Аравии полностью назначаются правителями. Следует отметить, что термин “*шура*”, обозначающий совет при правителе еще во времена раннего ислама, подразумевал консультативный характер этого органа, его мнение было необязательным, но игнорировать его правитель не мог. И по сей день *шура* остается своего рода символом демократии в исламе.

В провозглашенной султаном Брунея в 1990 г. концепции Малайской исламской монархии (*Melayu Islam Beraja*) утверждается, что ислам полностью совместим с демократией, основой которой считается *шура* (консультации и достижение консенсуса), и в классическом понимании это означает, “что есть правитель и *шура*-совет в качестве органа, представляющего интересы общины мусульман, следовательно, правитель при принятии решений обязан проконсультироваться с *шура*” [1, с. 249].

Институт свободных и честных выборов является ключевым в современной представительной демократии. Он используется даже при авторитарном правлении, и это обусловлено тем, как отмечает американский политолог и философ Фрэнсис Фукуяма, что “даже самые твердокаменные диктаторы считают себя обязанными получить хотя бы налет демократической легитимности, устроив выборы” [2, с. 57]. Но при авторитарном правлении институт выборов целенаправленно деформируется и с использованием методов

и технологий политического администрирования трансформируется в процедуру формирования органов публичной власти посредством манипуляции процессом голосования [3].

При оценке состояния и перспектив демократического правления в мусульманском мире мы будем опираться на подход, предложенный американским политологом Ларри Даймондом, в соответствии с которым исходя из ситуации, когда “бум сравнительных исследований демократии сопровождался серьезными разногласиями по поводу того, как ее определять и измерять” [4, р. 142], на основе кодовых решений – значений индексов политической свободы и гражданских прав – и составляющих их индикаторов, ежегодно определяемых *Freedom House*, все государства можно разделить на электоральные демократии и недемократические государства с учетом необходимых, по мнению того, кто проводит конкретное исследование, корректировок такого разделения в отношении отдельных государств и классифицировать все государства как свободные, частично свободные и несвободные. При этом свободная электоральная демократия интерпретируется как совершенная демократия, а частично свободная электоральная демократия – как несовершенная демократия.

В настоящее время в мусульманском мире существует пять несовершенных демократий, из которых две – Индонезия и Тунис – относятся к его ядру, а три – к периферии, включая два африканских государства – Сенегал и Сьерра-Леоне – и единственное европейское мусульманское государство – Албания. Следует отметить, что еще пять мусульманских государств, а именно Коморские острова, Бангладеш, Турция, Мали и Нигер, достаточно длительное время относились к несовершенным демократиям, но в последние годы в них произошел авторитарный откат. Коморские острова, Бангладеш и Турция перешли в группу государств с авторитарным правлением, а в Мали и Нигере режимы авторитарного правления нестабильны из-за постоянной политической турбулентности и высокой активности радикальных исламистов. При этом авторитарный откат во всех этих государствах был обусловлен не исламским фактором, определяемым как “обобщающий термин, который прагматично включает в себя ислам, политический ислам, мусульманское население, исламские организации, партии и движения” [5, с. 25], а тем, что правящие в них политические акторы

стали формировать “режим доминирующей власти” [6, pp. 11-12], чтобы продолжить сохранять власть в своих руках.

Ярким примером авторитарного отката может служить Турция, которая более 25 лет была демократией, хотя и не самой совершенной, но с 2016 г. президент Реджеп Эрдоган, проведя конституционную реформу, стал выстраивать неоавторитарный режим личной власти. При этом Турция была и остается светским государством как результат “эффекта колеи лаицизма”, которая была проложена основателем современного турецкого государства Кемалем Ататюрком [7]. Однако Эрдоган инструментально использует умеренный политический ислам в противовес радикальному для подавления политической конкуренции, расширения и консолидации социальной базы поддержки и укрепления режима своей власти.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди государств мусульманского мира, в которых осуществляется или до недавнего времени осуществлялось демократическое правление, только половина — Нигер, Турция, Сенегал, Сьерра-Леоне и Албания — являются светскими, в четырех — Бангладеш, Мали, Тунисе и Коморских островах — ислам конституирован как государственная религия, а в Индонезии не установлены ни светский характер государства, ни государственная религия.

Светский характер государства относится к значимым аспектам демократического правления, но он не является ни необходимым, ни достаточным условием для такого правления. Показательным примером может служить та же светская Турция, в которой в прошлом длительное время правящей была диктатура Ататюрка (1923—1938), а в настоящее время правит неоавторитарный режим личной власти Эрдогана.

В юридико-правовом контексте светское государство определяется как государство, в котором никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной; все вероисповедания признаются равноправными; все религиозные объединения отделены от государства и равны между собой; государство не вмешивается в дела религиозных объединений, гарантирует свободную деятельность таких объединений и не возлагает на них осуществление государственных функций, а религиозные объединения не вмешиваются в работу государственных органов и не занимаются политической деятельностью [8]. В приведенном

определении все положения, кроме первого, об отсутствии государственной или обязательной религии представляют собой расширенное описание секуляризации, которая в общем виде предполагает отделение церкви (религии) от государства, разделение их как институтов, свободу совести и вероисповедания, равноправие (юридическое равенство) религий.

Центральной проблемой демократического правления в мусульманском мире является вопрос совместимости ислама и светского характера государства в аспекте реальной секуляризации, то есть вопрос о том, насколько даже в светских мусульманских государствах влияние ислама может быть ограничено только частной жизнью и не оказывать определяющее воздействие на политические, экономические, социальные и иные процессы жизни государства и общества.

Мусульмане не отказываются от исламской доктрины “ислам — это религия и государство”, что соответствует фундаментальному пониманию ислама как образа жизни. В 1920-е годы российский академик Василий Бартольд говорил о стремлении мусульманских властителей “придать светской власти религиозное обаяние, которое она во все времена и у всех народов считала для себя необходимым” [9, с. 312]. Он же полагал, что “теократическая идея и до наших дней жива на мусульманском Востоке, но только как идеал, и она не имеет ничего общего с действительной жизнью, или как орудие политических устремлений” [9, с. 316].

Секуляризм в исламской политической культуре отторгался, и после смерти пророка Мухаммада глава общины, а позже и государства оставался и религиозным, и политическим вождем. С другой стороны, зависимость власти от исламского законодательства ограничивала мусульманских правителей, которые стремились более руководствоваться прагматическими, в том числе личными, интересами, которые не всегда вписывались в религиозную доктрину.

Неким осторожным аналогом секуляризма представляется так называемый светский ислам, который предполагает самостоятельные действия государства, минуя обязательные ссылки на ислам, но для которых требуется религиозная апробация. Идеология “светского ислама” формируется в XX в., ему чужды ссылки на свое превосходство над прочими религиями, следовательно, над иным, неисламским образом жизни и общественным устройством.

Авторитетный исламский мыслитель Далиль Бубакер, ставший с 1992 г. ректором (имамом) Парижской Великой (Соборной) мечети, в ряде публичных выступлений и интервью высказывал мысль, что светский ислам поможет мусульманам уважать европейские демократические структуры, европейский образ жизни и относиться к религии как к частному делу⁴.

По мнению первого заместителя Духовного управления мусульман РФ Дамира Мухетдинова, “светское государство не противоречит шариату. Религиозные каноны не должны быть догмой, а ошибался иногда даже Пророк... Сегодня наиболее актуальная тема – это соотношение ислама и светского государства. Сейчас в обществе много разговоров о шариате. У нас до конца нет полного осмысления, что такое мусульманское право, как оно согласуется в реалиях нового времени современного светского государства. Правомочно ли возрождение на территории России института шариата?.. Всем тем, кто желает возрождения в республиках России и постсоветских республиках шариатской системы правления, было бы полезно знать и другую позицию” [10]. Можно привести и другие подобные цитаты, но показательно, что такой подход, присущий реформаторскому направлению в исламе, имеет наибольшее распространение среди мусульманских ученых и богословов в Европе [11, pp. 251-252].

Однако следует признать, что отношение к “светскому исламу” в самой исламской умме в целом негативное. Консервативные мусульманские идеологи, а такие составляли и составляют большинство, видят в нем отступление от “истинного ислама” и воспринимают его как секуляризм, который, по их мнению, в определенном смысле тождествен “светскому исламу”. Так, иранский религиозный философ Мухаммад Джамал Джабилиан считает, что “секуляризация обозначает любой процесс, преследующий цель устранения религии из жизни общества. За последние сто лет все или большинство антиисламских течений... объединились именно в рамках этого направления” [12, с. 39]. Другой идеолог исламского фундаментализма египтянин Сайид Кутб уверен, что корни секуляризма лежат в европейской христианской культуре, поскольку церковь не сумела стать решающей силой, ее влияние на общество оказалось недостаточным, вследствие чего она

⁴ См., в частности, интервью Далиля Бабукера алжирскому телеканалу “Аш-Шурук” (<https://www.youtube.com/watch?v=bDkbU8Fh9-E> (accessed 13.05.2023)).

была отстранена от участия в решении главных проблем общества и государства [13].

Сегодня в большинстве государств мусульманского мира ислам – государственная религия, и эти государства не являются секулярными. В остальных ислам в той или иной мере отделен от управления государством, но во многих из них власть предрержащие тем не менее должны демонстрировать, что их решения и действия соотносятся с исламскими традициями, доказывая обществу свою “правоверность”.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВЛЕНИЯ В МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ

Оценить перспективы демократического правления в мусульманских государствах с учетом их национальной и религиозной специфики достаточно непросто. Поэтому приведенные ниже результаты анализа не следует воспринимать буквально, их нужно рассматривать только как попытку оценить некоторые преобладающие тенденции.

Очевидно, что оценивать перспективы демократического правления в государствах с нестабильными политическими режимами нецелесообразно, так как сложно прогнозировать, какие тенденции в процессе формирования и стабилизации таких режимов будут преобладать – демократические или недемократические, хотя представляется, что последние более вероятны.

Нестабильные политические режимы правят сегодня в четверти государств мусульманского мира, причем большинство из них (6 из 11) закрепились в странах Арабского мира. Следует отметить, что одним из ключевых факторов, дестабилизирующих политические режимы в мусульманских государствах, наряду с политическими, этническими и клановыми конфликтами служат различные проявления исламского фактора и в первую очередь радикального политического ислама.

Большая часть мусульманского общества не осознавала в достаточной мере и не осознает, какую роль в его жизни реально способна сыграть демократия. При этом следует заметить, что в классическом арабском языке, через который фиксировалась и транслировалась исламская традиция, само слово *димукратыйя*, то есть демо-

кратия, изначально не существовало и пришло извне. С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что действующие конституции большинства государств мусульманского мира, в частности таких монархий, как Бахрейн, Марокко и Катар, провозглашают демократическую форму правления. Это позволяет заключить, что большинство мусульманского мира не отвергает демократию, по крайней мере, как идею. Но открытым остается вопрос, что под этим понимается, кроме стандартных конституционных установлений типа “народ является источником власти” и “осуществляет суверенитет через избранных представителей”, содержащихся, например, в конституциях Алжира и Мавритании [ист. 2]. При этом выборы представителей народа в мусульманских государствах, кроме тех, которые относятся к электоральным демократиям, мягко говоря, далеки от демократических идеалов, что и позволяет *Freedom House* классифицировать эти государства как недемократические. Как уже отмечалось ранее, десять мусульманских государств, которые сегодня являются электоральными демократиями или недавно являлись таковыми, реально почувствовали “вкус демократии”, хотя граждане тех из них, в которых произошел авторитарный откат в силу различных причин и обстоятельств, в ней разочаровались.

Проанализируем, как складываются взаимоотношения с демократией в государствах мусульманского мира, которые “вкус демократии” еще не ощущали. Исходя из того что мусульманский мир не абсолютно тождествен миру исламскому, для оптимизации дальнейшего анализа выделим из множества мусульманских государств со стабильными режимами авторитарного правления сначала кластер исламских государств, в которых ислам, являясь государственной религией, определяет жизнь общества и государства в соответствии с религиозными порядками и правилами, включая внутреннюю и внешнюю политику, а основой их законодательства служит шариат. Этот кластер состоит из двух групп – группы исламских монархий и группы исламских диктатур.

Группа исламских монархий включает все сохранившиеся в мире до настоящего времени государства с такой архаичной формой правления, как абсолютная монархия, – теократический султанат Бруней Даруссалам, теократическое Королевство Саудовская Аравия, эмират Катар, Объединенные Арабские Эмираты и Султанат

Оман, а также авторитарные конституционные монархии – Королевство Бахрейн и эмират Кувейт. В исламских монархиях, которые можно рассматривать как практическую реализацию традиционного политического ислама, даже отдельные проявления реального демократического правления в обозримом будущем мало вероятны. Ислам способен спланировать их социальную базу, но население этих государств, очевидно, не готово приветствовать секуляризацию. Эти государства являются крупными экспортерами нефти и газа, что позволяет им обеспечивать достаточно высокий уровень жизни своих граждан. По данным Всемирного банка за 2020–2021 гг., уровень ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в этих государствах составляет от 45 411.12 долл. в Бахрейне до 93 521.44 в Катаре (несколько ниже в Омане – 31 117.76) при среднемировом уровне 17 000 долл.

В качестве определенных сдвигов в исламских монархиях в сторону демократии по-исламски можно отметить то, что количество назначаемых эмирами членов коллегий выборщиков, принявших участие в выборах 20 из 40 членов Федерального национального Совета ОАЭ, увеличилось с первых выборов в 2006 г. приблизительно в 3 раза, до 224 279 в 2015 г., и еще в 1.5 раза, до 337 738, в 2019 г., но пока составляет всего 3.4% населения, а в Катаре в 2021 г. впервые прошли выборы 30 из 45 членов Консультативного совета (Меджлис аш-Шура).

Можно отметить, что в современной мировой политической практике известен прецедент перехода от абсолютной монархии к демократическому правлению без политических потрясений и конфликтов. В соответствии с гл. 1 Конституции Королевства Бутан, принятой в 2008 г., форма правления была изменена с абсолютной монархии на “демократическую конституционную монархию”, подобную Вестминстерской модели. Также в Бутане, в котором буддисты составляют 74.7% населения, конституирована секуляризация. Установлено, что буддизм – только духовное наследие, религиозные институты и персоны обязаны обеспечивать разделение религии и политики и должны оставаться вне политики (гл. 3), а политические партии не имеют права использовать религию с целью получить поддержку электората (гл. 15) [ист. 2]. Впервые всеобщие выборы в Национальную ассамблею – нижнюю палату парламента – состоялись

в 2008 г., а с 2012 г. Бутан классифицируется как частично свободная электоральная демократия.

Группу исламских диктатур составляют Афганистан, Иран, Мавритания и Сирия. К этой группе также можно отнести Египет, в котором правящим является жесткий режим личной власти президента Абдель Фаттаха ас-Сиси. Эта группа распадается на две части, и к первой части относятся теократические исламские диктатуры – Афганистан и Иран. В Афганистане правит радикальное исламское движение “Талибан”⁵, которое в настоящее время возглавляют мулла Хайбатулла Ахундзада и Руководящий совет (Рахбар Шура). “Талибан” декларирует, что формой правления в Афганистане станет исламский эмират – радикальная форма политического ислама. Антидемократическая сущность диктатуры “Талибана” проявляется в том, что эта диктатура подавила не только вооруженную (кроме Фронта национального освобождения Афганистана), но и всю невооруженную оппозицию, контролирует масс-медиа, религиозных и общественных деятелей, осуществляет дискриминацию по этническим, религиозным и гендерным признакам, в том числе введенны запрет на получение образования для девушек и ограничение на получение высшего образования для женщин [ист. 3].

В Иране правит теократическая исламская диктатура, возглавляемая духовным лидером и одновременно верховным правителем рахбаром, место которого в настоящее время занимает аятолла Али Хаменеи. В руках рахбара концентрируется практически монополярная власть, так как в соответствии с Конституцией Ирана на него возлагается “управление делами правоверных и имамат в исламской умме” (ст. 5) и под его абсолютным контролем функционирует законодательная, исполнительная и судебная власть (ст. 57) [ист. 2]. Следует отметить, что в 2022 г. в Иране поднялась волна массовых акций протеста против “режима аятоллы”, которую правящая диктатура пытается подавить, применяя против протестующих жесткие репрессии, включая вооруженную силу [ист. 4]. Во второй половине 2022 г. протест настолько усилился и стал еще более массовым, что правящий режим оказался готовым пойти на уступки, в частности распустить полицию нравов, а также отменить обязательное ношение хиджаба. Очевидно,

⁵ “Талибан” признан в России террористической организацией, включен в сводный перечень Совета безопасности ООН организаций и лиц, причастных к террористической деятельности.

что теократические диктатуры в Афганистане и Иране представляют собой практическую реализацию радикального политического ислама.

В Египте, Мавритании и Сирии картина иная. В этих государствах правители демонстрируют свою приверженность умеренному политическому исламу, чтобы привлечь на свою сторону исламскую умму и сохранить режим своей доминирующей власти. При этом власти ведут жесткую борьбу против своих основных противников – радикальных исламских организаций, используя вооруженную силу, например в Мавритании и Сирии, или карательную судебную систему, выносящую смертные приговоры, как в Египте, хотя под прикрытием такой борьбы могут ликвидировать любую политическую оппозицию.

В государствах, где правят исламские диктатуры, условия и возможности для демократического правления могут появиться только после краха таких режимов в результате так называемого деструктивного политического кризиса, приводящего к разрушению действующей политической системы [14]. Такие кризисы, как правило, провоцируются массовыми акциями протеста, поддержанными армией, но нет никаких гарантий, что после кризиса сформируется режим демократического правления, а не иной авторитарный режим.

Характерным примером может служить Египет, в котором после краха в 2011 г. диктатуры Хосни Мубарака в результате вполне демократических выборов 2011–2012 гг. к власти пришла радикальная исламская организация “Братья-мусульмане”⁶ в лице Партии свободы и справедливости и президента Мухаммеда Мурси и была предпринята попытка установить исламскую диктатуру. В результате военного переворота в 2013 г. президент Мурси был свергнут, организация “Братья-мусульмане” – отстранена от власти, но на их место после выборов 2014 г. пришел президент Абдель Фаттах ас-Сиси, который сформировал жесткий режим личной власти. Пока единственным примером в мусульманском мире, когда после краха диктаторского режима сформировался хотя и не самый совершенный демократический режим, остается Тунис.

Кластер светских мусульманских государств можно рассматривать в качестве противоположности исламским аналогам. Он также состоит из двух групп – африканских диктатур и пост-

⁶ “Братья-мусульмане” признаны в России террористической организацией.

советских государств. В первую входят Гамбия, Гвинея, Джибути и Чад, относящиеся к периферии мусульманского мира. В этих диктатурах исламский фактор не оказывал и не оказывает существенного институционального влияния на правящий политический режим и политические процессы. Определенное исключение составляет Чад, в котором правящий режим постоянно ведет вооруженную борьбу с исламскими радикальными движениями “Боко Хорам” и “Исламское государство в Большой Сахаре”, выступая в этом противостоянии в союзе с Францией.

В группу постсоветских государств входят, как уже отмечалось, пять государств Центральной Азии и Азербайджан, и во всех этих светских государствах в отношениях государства и ислама в той или иной степени проявился “эффект постатеистической колеи”, доставшейся им в наследство от СССР [15, с. 105]. В настоящее время в постсоветских мусульманских государствах нет ни одной легальной исламской политической партии и осуществляется жесткий государственный контроль деятельности религиозных организаций. При этом апелляция к исламу служит инструментом для расширения и консолидации социальной базы поддержки правящих режимов и укрепления их власти.

В светских мусульманских государствах условия и возможности для демократического правления так же, как и при исламских диктатурах, могут появиться только после краха правящих режимов в результате деструктивного политического кризиса. Показательным примером того, что и в светских мусульманских государствах после падения режима авторитарного правления нет никаких гарантий, что сформируется режим демократического правления, может служить Кыргызстан, где трижды – в 2005, 2010 и 2020 гг. – свергали персоналистские режимы авторитарного правления, но на их месте вновь возникали аналоги.

Между кластерами исламских и светских мусульманских государств можно расположить группу арабских государств, в которых ислам остается государственной религией, но они не являются в полной мере ни исламскими, ни светскими. В эту группу входят авторитарные конституционные монархии Иордания и Марокко, а также Алжир, в котором с 2019 г. правящим является режим личной власти президента Абдельмаджида Теббуна.

В этих государствах ислам служит их институциональной основой, но система власти, пол-

ностью сосредоточенная в руках правителей, является светской, как, в частности, это напрямую и предписано Конституцией Марокко (ст. 1) [ист. 2]. При этом посредством соответствующих институтов государственной власти осуществляется контроль за деятельностью всей религиозной инфраструктуры. Например, в Алжире эту функцию выполняет Министерство по делам религий совместно с Высшим исламским советом, который отвечает за верную интерпретацию вероучения и выдачу фетв [16]. Правители этих двух государств под влиянием событий “арабской весны” декларировали курс на смягчение авторитарного правления и демократизацию, но в политической реальности этот процесс, очевидно, носит имитационный характер.

Отдельный “нестандартный” случай представляет собой федеративная конституционная монархия Малайзия. В этой федерации на уровне ее регионов, из которых семь являются султанатами и еще два – абсолютными монархиями, осуществляется теократическое авторитарное правление, но на федеральном уровне, где Народный Совет – нижняя палата парламента – избирается всенародно на прямых выборах при тайном голосовании, политическая картина существенно более демократична.

В оценке политического режима в Малайзии ведущие центры исследований демократии в мире *Freedom House* и *The Economist Intelligence Unit* заметно расходятся. По данным первого, Малайзия с 1989 г. была и остается частично свободным недемократическим государством [ист. 1], а по данным второго, она с 2006 г. является несовершенной демократией в интерпретации этой организации [ист. 5].

ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ

Проведенный анализ показывает, что барьеры на пути распространения демократии в мусульманском мире создают два основных обстоятельства. Первое обстоятельство обусловлено тем, что политические акторы, возглавляющие режимы авторитарного правления, используют любые средства для того, чтобы обеспечить свою несменяемость и сохранить власть в своих руках. Они сознательно блокируют один из ключевых целевых институтов демократии – сменяемость по результатам выборов политических должностных лиц публичной власти, для чего целена-

правленно деформируют институт выборов. Но это обстоятельство не является исключительной прерогативой мусульманского мира, оно присуще всем государствам с авторитарным правлением за его пределами.

Второе обстоятельство присуще исключительно мусульманскому миру — это противостояние демократии и политического ислама, причем именно политического ислама, а не ислама как мировой религии. Такое противостояние обусловлено тем, что политический ислам противоречит такой ключевой целевой установке демократии, как свобода выбора путей развития общества и государства, предлагая развитие исключительно в рамках исламских норм и порядков и навязывая таковые всему обществу.

Сегодня в противостоянии демократии и политического ислама преимущество остается на стороне последнего, хотя ранее высказывалось мнение, что политический ислам, или исламизм, изжил себя и отходит на второй план на политической сцене мусульманского мира. Так, в изданной еще в 1992 г. книге под символическим названием “Крах политического ислама” ее автор французский исламовед Оливье Руа уверенно утверждал: «Исламизм утратил свой исходный импульс. Он “социалдемократизировался” и более не предлагает модель иного общества или светлое будущее... Исламизм превратился в некий нефундаментализм, заботящийся исключительно о восстановлении исламского шариата, не изобретая новых политических форм...» [17, р. 9]. Однако надо отдать должное Руа, поскольку он не преминул рассуждать и о вероятных успехах политического ислама в целом ряде стран, в частности в Алжире. И это при том, что внезапное появление на территории Сирии и Ирака Исламского государства в форме квазигосударства тогда представлялось аналитикам утопией. Созвучно Руа высказывался другой авторитетный французский исламовед Жиль Кепель, книга которого с не менее символическим названием “Джихад. Экспансия и упадок исламизма” [18] вышла в 2000 г. Теперь очевидно, что оба французских исламоведа, как и многие другие аналитики, поспешили с признанием несостоятельности политического ислама и с временностью его присутствия в политическом пространстве. Однако Кепель также отмечал, что “процессы реисламизации снизу привели к созданию сетей взаимопомощи и общественного контроля на уровне кварталов в особенности на городских

окраинах” [19, р. 272], что в свою очередь создает условия для расширения общественной поддержки политического ислама.

Сегодня правители большинства как светских, так и исламских государств активно противодействуют радикальному политическому исламу и ведут с ним непримиримую борьбу. Общественная поддержка этого направления из-за его приверженности жесткому авторитарному правлению и терроризму заметно уменьшается, о чем свидетельствует, в частности, подъем волны массовых акций протеста в “сердце” радикального политического ислама — Афганистане и Иране.

В отношении умеренного политического ислама картина выглядит иначе. Количество сторонников этого направления растет не только в исламской умме, но и в мусульманском обществе в целом. Это обусловлено тем, что в массовом сознании мусульман такой политический ислам воспринимается как продолжатель исторических традиций, способный без экстремистских проявлений противостоять разрушительному влиянию на устои мусульманского общества извне и обеспечить стабильность и социальную справедливость в соответствии с исламскими порядками и правилами. Распространению умеренного политического ислама способствует и его инструментальное использование авторитарными правителями для сохранения и укрепления своих позиций во власти. В ряде государств мусульманского мира сторонники исламизма становятся легитимными участниками политического процесса, а их политические партии участвуют в выборах. Умеренные исламисты могут занимать высокие должности в правительствах и других органах публичной власти.

При этом важным и уместным представляется предупреждение о том, что “исламистские движения постепенно включили либеральные и прагматические понятия в свою риторику и практику, однако их исходные точки отсчета никогда не исчезали” [20, р. 2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С начала 90-х годов XX в. на гребне третьей волны демократизации по классификации американского политолога Самюэля Хантингтона в мусульманском мире сформировались десять электоральных демократий. Последним в этот строй в 2011 г. встал Тунис — единственный демократической результат “арабской весны”.

Однако в последние годы в половине из этих государств произошел авторитарный откат, обусловленный, как уже указывалось ранее, не исламским фактором, а формированием “режима доминирующей власти”. Следует отметить, что бескризисное возвращение таких государств после авторитарного отката в “лоно демократии” вполне возможно в ходе трансформационных политических процессов, но только до тех пор, пока формирование “режима доминирующей власти” не достигло своего апогея.

Показательным примером может служить Северная Македония, которая, правда, не относится к мусульманскому миру, но в которой мусульмане составляют 39.3% ее населения. В Северной Македонии на фоне формирующегося “режима доминирующей власти”, по данным *Freedom House*, в 2015 г. произошел авторитарный откат, но уже в 2019 г. было восстановлено демократическое правление.

Для того чтобы ограниченный в настоящее время ареал демократического правления в мусульманском мире мог в перспективе расширяться, принципиально необходимо “мирное сосуществование” демократии и ислама. Как отмечает российский исламовед Николай Жданов, это обусловлено тем, что “религиозный фактор в политической жизни стран зоны распространения ислама приобрел глобальный характер

в силу своей широкой социальной базы, транснациональности, полицентризма, крупных финансовых возможностей нефтедобывающих государств, а также относительной устойчивости во внутренней и внешней политике значительного числа стран Азии и Африки” [21, с. 6].

Из-за объективного противоречия в политических целях достичь конструктивного взаимодействия между демократией и политическим исламом даже в его умеренном варианте не представляется возможным. Более перспективным в аспекте конструктивного взаимодействия с демократией выглядит светский ислам, когда следование исламским порядкам и правилам в частной жизни зависит только от личного выбора каждого мусульманина и осуществляется в рамках локальных сообществ исламской уммы. При этом установления ислама не распространяются на сферу политики и управления делами государства, а само общество не испытывает никаких принуждений в религиозном аспекте.

Однако не следует ожидать, что в обозримой перспективе светский ислам займет доминирующее положение в мусульманском мире. Поэтому, по нашему мнению, сегодня преждевременно сбрасывать со счетов влияние на политическую ситуацию в мусульманском мире политического ислама во всех его проявлениях, в том числе и самых радикальных.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ п/п	Государство	Регион*	Население, млн	Мусульмане, %	Государственная религия	Форма правления	Политический режим
Арабский мир (Лига арабских государств)							
1	Алжир	Северная Африка Магриб	44.616630	98.0	ислам	президентско-парламентская республика	режим личной власти президента Абдельмаджид Теббуна с 2019 г.
2	Ливия	Северная Африка Магриб	6.958538	96.7	ислам	парламентско-президентская республика	<i>нестабильный; межконфессиональный конфликт</i>
3	Мавритания	Западная Африка Магриб	4.775110	99.1	ислам	президентско-парламентская республика	исламская военная диктатура; генерал Мухаммед аль-Газуани с 2019 г.
4	Марокко	Северная Африка Магриб	37.344787	99.9	ислам	конституционная монархия	авторитарная монархия
5	Тунис	Северная Африка Магриб	11.935764	99.6	ислам	парламентская республика	электоральная демократия с 2011 г.
6	Египет	Северная Африка Ближний Восток	104.258327	94.9	ислам	президентско-парламентская республика	исламский режим личной власти; президент Абдель Фаттах ас-Сиси с 2014 г.
7	Бахрейн	Передняя Азия Ближний Восток	1.748295	70.3	ислам	конституционная монархия	исламская монархия

Продолжение приложения

№ п/п	Государство	Регион*	Население, млн	Мусульмане, %	Государственная религия	Форма правления	Политический режим
8	Иордания	Передняя Азия Ближний Восток	10.269022	97.3	ислам	конституционная монархия	авторитарная монархия
9	Ирак	Передняя Азия Ближний Восток	41.179351	99.0	ислам	парламентская республика	<i>нестабильный; межконфессиональный конфликт</i>
10	Йемен	Передняя Азия Ближний Восток	30.490639	99.1	ислам	парламентско-президентская республика	<i>нестабильный; межконфессиональный конфликт</i>
11	Катар	Передняя Азия Ближний Восток	2.930524	67.7	ислам	абсолютная монархия (эмират)	исламская монархия
12	Кувейт	Передняя Азия Ближний Восток	4.328553	74.1	ислам	конституционная монархия (эмират)	исламская монархия
13	Ливан	Передняя Азия Ближний Восток	6.769151	61.3		парламентская республика	<i>нестабильный; межконфессиональный конфликт</i>
14	ОАЭ	Передняя Азия Ближний Восток	9.991083	76.9	ислам	федеративная абсолютная монархия	исламская монархия
15	Оман	Передняя Азия Ближний Восток	5.223376	85.9	ислам	абсолютная монархия (султанат)	исламская монархия
16	Саудовская Аравия	Передняя Азия Ближний Восток	35.340680	93.0	ислам	теократическая абсолютная монархия (королевство)	исламская монархия
17	Сирия	Передняя Азия Ближний Восток	18.275704	92.8	ислам	президентская республика	исламская диктатура; семейство Асадов с 1970 г.
18	Джибути	Восточная Африка	1.002197	97.0	светское	президентская республика	диктатура; президент Исмаил Гелле с 2000 г.
19	Коморские острова	Восточная Африка	0.888456	98.4	ислам	президентская республика	электоральная демократия с 2004 г.; авторитарный откат с 2018 г.
20	Сомали	Восточная Африка	16.359500	99.9	ислам	парламентская республика (федерация)	<i>нестабильный; война с исламистами</i>
21	Судан	Восточная Африка	44.909351	90.7	ислам – религия большинства	президентская республика (федерация)	<i>нестабильный; военный переворот 2019 г., этноконфессиональный конфликт</i>
			439.595038				
Азия							
22	Афганистан	Южная Азия	39.835428	99.9	ислам	президентская республика	исламская диктатура с 2021 г. движение “Талибан”
23	Бангладеш	Южная Азия	166.303494	89.8	ислам	парламентская республика	электоральная демократия с 1991 г.; авторитарный откат с 2017 г.
24	Мальдивы	Южная Азия	0.543620	98.6	ислам	президентская республика	<i>нестабильный; конфликт политических группировок</i>
25	Пакистан	Южная Азия	225.199929	96.5	ислам	парламентско-президентская республика (федерация)	<i>нестабильный; конфликт политических группировок</i>

Продолжение приложения

№ п/п	Государство	Регион*	Население, млн	Мусульмане, %	Государственная религия	Форма правления	Политический режим
26	Бруней	Юго-Восточная Азия	0.441532	75.1	ислам	теократическая абсолютная монархия (султанат)	исламская монархия
27	Индонезия	Юго-Восточная Азия	276.361788	87.2		парламентская республика	электоральная демократия с 1999 г.
28	Малайзия	Юго-Восточная Азия	32.776195	63.7	ислам	конституционная монархия (федерация)	авторитарная монархия
29	Иран	Передняя Азия	85.028760	99.5	ислам	теократическая президентская республика	исламская диктатура; аятолла Али Хаменеи с 1989 г.
30	Турция	Передняя Азия Южная Европа Ближний Восток	85.042736	98.1	светское	президентская республика с 2017 г.	электоральная демократия с 1990 г.; авторитарный откат; президент Реджеп Эрдоган с 2016 г.
			911.533482				
Африка							
31	Буркина-Фасо	Западная Африка	21.497097	61.6	светское	президентско-парламентская республика	<i>нестабильный; военные перевороты</i>
32	Гамбия	Западная Африка	2.486937	95.3	светское	президентская республика	режим личной власти президента Адама Барроу с 2017 г.
33	Гвинея	Западная Африка	13.497237	84.5	светское	президентская республика	диктатура; президент Альфа Конде с 2010 г., военный переворот 2021 г.
34	Мали	Западная Африка	20.557240	92.5	светское	президентско-парламентская республика	электоральная демократия с 1992 г.; авторитарный откат с 2012 г.; <i>нестабильный; военные перевороты, война с исламистами</i>
35	Нигер	Западная Африка	25.130810	98.5	светское	парламентская республика	электоральная демократия с 1999 г.; авторитарный откат с 2016 г.; <i>нестабильный; военные перевороты, война с исламистами</i>
36	Сенегал	Западная Африка	17.196308	96.4	светское	парламентско-президентская республика	электоральная демократия с 2000 г.
37	Сьерра-Леоне	Западная Африка	8.141343	78.0	светское	президентская республика	электоральная демократия с 1996 г.
38	Чад	Центральная Африка	16.914985	55.3	светское	президентско-парламентская республика	диктатура; семейство Деби с 1990 г.
			125.720441				
Постсоветские государства							
39	Азербайджан	Передняя Азия Закавказье	10.145212	97.0	светское	президентская республика	неоавторитарный; семейство Алиевых с 1993 г.
40	Казахстан	Центральная Азия	19.002586	70.4	светское	президентско-парламентская республика	неоавторитарный; президент Касым-Жомарт Токаев с 2019 г.

Окончание приложения

№ п/п	Государство	Регион*	Население, млн	Мусульмане, %	Государственная религия	Форма правления	Политический режим
41	Кыргызстан	Центральная Азия	6.694200	88.0	светское	парламентско-президентская республика	неоавторитарный; президент Садыр Жапаров с 2020 г.
42	Таджикистан	Центральная Азия	9.749625	96.8	светское	президентская республика	неоавторитарный; президент Эмомали Рахмон с 1994 г.
43	Туркменистан	Центральная Азия	6.117933	93.0	светское	президентская республика	неоавторитарный; семейство Бердымухамедовых с 2007 г.
44	Узбекистан	Центральная Азия	34.915100	96.8	светское	президентско-парламентская республика	неоавторитарный; президент Шавкат Мирзиёев с 2016 г.
			86.624656				
Европа							
45	Албания	Южная Европа	2.811666	80.3	светское	парламентская республика	электоральная демократия с 1992 г.
		Всего:	1566.285280				

* Регионы определяются в соответствии со стандартом ООН М.49 (<https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (accessed 14.05.2023)).

Источник: разработка авторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Милославская Т.П. Бруней-Даруссалам “Малайская исламская монархия”. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2010, № 15, сс. 246-266.
Miloslavskaya T.P. Brunei Darussalam “Malay Islamic Monarchy”. *Yugo-Vostochnaya Azia: aktualnye problemy razvitiya*, 2010, no. 15, pp. 246-266. (In Russ.)
2. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Москва, АСТ, 2006. 588 с.
Fukuyama F. *The end of history and the last man*. Moscow, AST, 2006. 588 p. (In Russ.)
3. Нисневич Ю.А. Политическое администрирование vs политическая конкуренция в условиях неоавторитарного правления. *Вестник РУДН, серия Политология*, 2023 (в печати).
Nisnevich Yu.A. Political Administration vs Political Competition under Authoritarian Rule. *Vestnik RUDN, seriya Politologiya*, 2023 (In print). (In Russ.)
4. Diamond L. Facing Up to the Democratic Recession. *Journal of Democracy*, January 2015, vol. 26, iss. 1, pp. 141-155. DOI: 10.1353/jod.2015.0009
5. Зайферт Арне К. *Политический ислам в Центральной Азии – противник или демократический партнер?* Пер. с нем. Рабочий документ 25. Центр исследований ОБСЕ (CORE). Институт изучения проблем мира и политики безопасности при Гамбургском университете (IFSH). Гамбург, ноябрь 2012.
Seyfert Arne K. *Political Islam in Central Asia – Adversary or Democratic Partner?* Translation from German. OSCE Center for OSCE Research (CORE) Working Paper 25. Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg (IFSH). Hamburg, November 2012. (In Russ.)
6. Carothers T. The End of the Transition Paradigm. *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, no. 1, pp. 5-21.
7. Сергеев В.М., Саруханян С.Н. Модернизация и политический ислам в Турции. *Полития*, 2012, № 4 (67), сс. 134-151.
Sergeev V.M., Saruhanyan S.N. Modernization and Political Islam in Turkey. *Politiya*, 2012, no. 4 (67), pp. 134-151. (In Russ.)
8. Маркова Е.Н. Принцип светского государства (Глава 7). *Основы конституционного строя России: двадцать лет развития*. Москва, Институт права и публичной политики, 2013, сс. 183-213.
Markova E.N. The Principle of the Secular State (Chapter 7). *Fundamentals of the Constitutional System of Russia: Twenty Years of Development*. Moscow, Institut prava i publichnoy politiki, 2013, pp. 183-213. (In Russ.)
9. Бартольд В.В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве. *Сочинения. Т. 6. Работы по истории ислама и арабского халифата*. Москва, Издательство “Восточная литература”, 1966, сс. 303-319.

- Bartold V.V. Theocratic Idea and Secular Power in the Muslim State. *Works. T. 6. Works on the History of Islam and the Arab Caliphate*. Moscow, Izdatelstvo "Vostochnaya literatura", 1966, pp. 303-319. (In Russ.)
10. Яхрамов И. Дамир хазрат Мухетдинов: Светское государство не противоречит шариату (интервью). *KazanFirst*, 21.11.2018.
Yakhramov I. Damir hazrat Mukhetdinov: A Secular State does not Contradict Sharia (interview). *KazanFirst*, 21.11.2018. (In Russ.) Available at: <https://kazanfirst.ru/articles/478661> (accessed 12.12.2022).
  11. Esposito J. The Muslim Diaspora and the Islamic World. Hunter Sh.T., ed. *Islam, Europe's Second Religion: The New Social, Cultural, and Political Landscape*, Washington, Praeger, 2002, pp. 245-256.
  12. Джалилийан М.Дж. *Ислам и развитие*. Москва, "Исток", 2011. 112 с.
Dzhaliilian M.Dzh. *Islam and Development*. Moscow, "Istok", 2011. 112 p. (In Russ.)
  13. Кутб С. *Аль-адаля аль-иджтима'ийя аль-исламийя*. Бейрут, "Аш-Шурук", 1974. 222 с.
Qutb S. *Social Justice in Islam*. Beirut, Publishing House Ash-Shuruk, 1974. 222 p. (In Arabic)
  14. Пушкарева Г.В. Политические кризисы: содержание, виды и факторы эскалации. *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*, 2016, № 1, сс. 138-162.
Pushkareva G.V. Political Crises: Content, Types and Factors of Escalation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo)*, 2016, no. 1, pp. 138-162. (In Russ.) Available at: <http://old.spa.msu.ru/uploads/files/stati/pushkareva.pdf> (accessed 15.05.2023).
  15. Жусипбек Г. Политический ислам в Центральной Азии после 25 лет независимости. Ларюэль М., Курманова А., ред. *Центральная Азия – 25. Мысли о прошлом, проекция будущего: сборник эссе*. Вашингтон, Университет Дж. Вашингтона, 2017. 128 с.
Zhusipbek G. Political Islam in Central Asia after 25 years of Independence. Laruelle M., Kurmanova A., eds. *Central Asia – 25. Thoughts on the past, projection of the future: a collection of essays*. Washington, George Washington University, 2017. 128 p. (In Russ.) Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2985059>
  16. Наумкин В.В., Зарипов И.А., Кузнецов В.А., Орлов В.В. Стратегии выстраивания отношений между государством и исламом в России и арабском мире. *Minbar. Islamic Studies*, 2021, № 14 (1), сс. 13-49.
Naumkin V.V., Zaripov I.A., Kuznetsov V.A., Orlov V.V. Strategies for Building Relations between the State and Islam in Russia and the Arab World. *Minbar. Islamic Studies*, 2021, no. 14 (1), pp. 13-49. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-1-13-49
  17. Roy O. *L'echec de l'Islam politique*. Paris, Edition du Seuil, 1992. 320 p.
  18. Kepel G. *Jihad. Expansion et declin de l'islamisme*. Paris, Gallimard, 2000. 460 p.
  19. Kepel G. *La Revanche de Dieu. Chrétiens, juifs et musulmans à la reconquête du monde Broché*. Paris, Editions du Seuil, 1991. 288 p.
  20. Brown N.J., Hamzawy A. *Between Religion and Politics*. Washington, D.C., Carnegie Foundation for International Peace, 2010. 213 p.
  21. Жданов Н.В. *Исламская концепция миропорядка*. Москва, Международные отношения, 2003. 563 с.
Zhdanov N.V. *Islamic Concept of World Order*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003. 563 p. (In Russ.)

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. *Freedom in the World*. Freedom House. Available at: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world> (accessed 12.12.2022).
2. *Конституции государств (стран) мира. Библиотека конституций Пашкова Романа*.
Constitutions of states (countries) of the world. Library of constitutions of Pashkov Roman. (In Russ.) Available at: <https://worldconstitutions.ru/?cat=27> (accessed 13.05.2023).
3. Афганистан во власти талибов. *Интерфакс*, 11.02.2022–23.02.2023 г.
Afghanistan in the power of the Taliban. *Interfax*, 11.02.2022–23.02.2023. (In Russ.) Available at: <https://www.interfax.ru/chronicle/afghanistan-vo-vlasti-talibov.html> (accessed 20.04.2023).
4. "Этот режим не изменить". Иран сотрясают массовые протесты. Ждет ли страну революция или исламские лидеры удержат власть? *Lenta.ru*, 14.10.2022.
"This regime cannot be changed". Massive protests shake Iran. Will the country face a revolution or will Islamic leaders hold on to power? *Lenta.ru*, 14.10.2022. (In Russ.) Available at: https://lenta.ru/articles/2022/10/14/separ_iran/ (accessed 20.04.2023).
5. *Democracy index 2021. The China challenge*. The Economist Intelligence Unit Limited, 2022.